

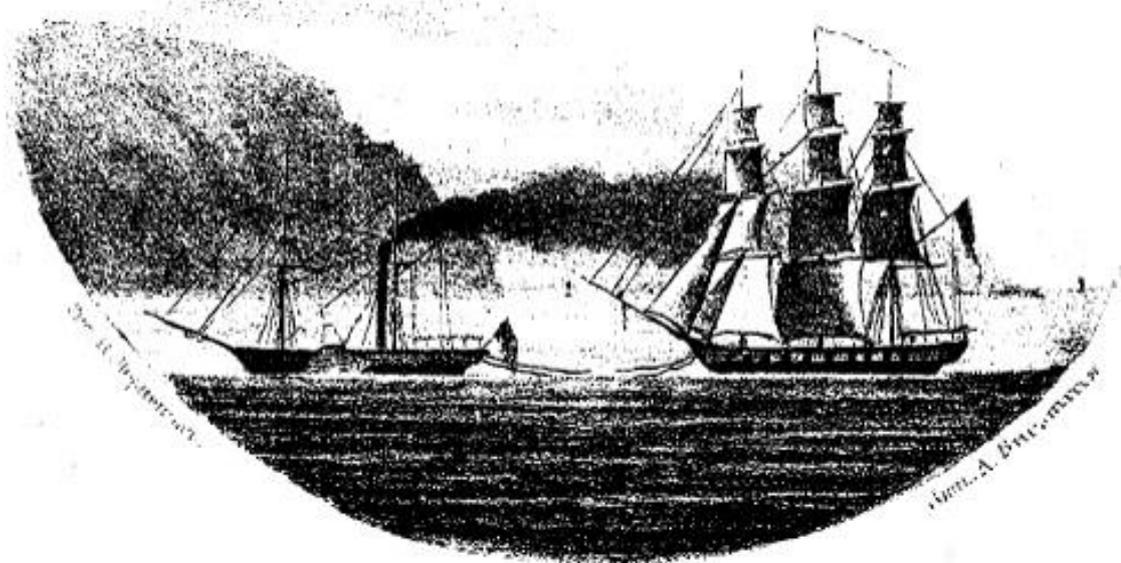
ПОВѢЖКА

Къ Восточнымъ берегамъ Чернаго Моря

НА КОРВЕТТѢ

Уфигенія

ВЪ 1856. ГОДУ

КОРВЕТТѢ УФИГЕНІИ И ПАРАХОДѢ ПЕТРЪ ВЕЛИКІИ

Соч: С. Сафоновъ

ОДЕССА

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФИИ

1857.

С. В. Сафонов

**Поездка к берегам Черного моря, на корвете "Ифигения",
в 1836 году**

Его Сиятельству

Графу Михаилу Семеновичу Воронцову

*как слабый знак душевной признательности за многое
посвящает сочинитель.*

Г. Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор, граф Михаил Семенович Воронцов, получив Высочайшее Государя Императора повеление обозреть восточные берега Черного моря, отправился туда в минувшем Июле месяце, на военном корвете Ифигения, в сопровождении парохода Петр Великий. Сопутствуя его сиятельству в этой кратковременной, но занимательной поездке, я вел от Керчи до возвращения в Ялту, дневные записки, в которых отмечал все, что видел и чувствовал.

Представляя публике свои записки, сознаюсь, что много в них недосказанного, много неопisanного; но, быть может, кто-нибудь из моих читателей найдет хотя минутное удовольствие в описании этого, мало извещенного нам берега. В конце книги приложена таблица, показывающая расстояние некоторых важнейших пунктов, от кр. Анапы до кр. Поти, и, сверх того, рисунки, трудов Русского академика Н. Чернецова.

Приют недоступный могучих орлов,
Державных и грозных гранитных хребтов; –
Всемирная крепость надоблачных гор,
Дивит и чарует наездника взор;
Где громы грохочат, шумит водопад,
И молния реет в ущельях громад.
Л. Якубович.

13-е Июля.

Море было тихо; поверхность его как зеркало отражала сотни судов, покрывавших обширный Керченский порт. В шесть часов вечера мы снялись с якоря, и прекрасный корветт Ифигения тихо, тихо покотился по изумрудной поверхности моря.

Паруса распущены; но они не слушают ни приказаний капитана, ни беспрестанных свистков унтер-офицеров: только обнимаются с мачтами и реями и наконец совершенно опустились. Нечего делать! Паруса отданы, подан буксир, и пароход Петр Великий, любимец Новороссийского края, повлек нас по морю. Вообще, морякам едва-ли что-либо так мало нравится, как идти на буксире. Это как будто некоторый род унижения; как насмешка над великаном, трехмачтовым судном, которое так грозно смотрит на пароход с высоты своего величия; но часто, и почти всегда, ум и сметливость берут верх над силою. И вот мало-по-малу начали скрываться от нас Керчь с своими бесконечными курганами (постоянным предметом любопытства всех посещающих берега Киммерийского пролива) и Митридатовой горою, на которой возвышается теперь, недавно выстроенная, часовенька над могилою человека, который и в гробе долго будет говорит живым. Память народа о человеке, уже несуществующем, есть память истинная, неподдельная. Завидна участь гражданина, приобретшего своими делами благодарность потомства. Я говорю о бывшем Керченском градоначальнике, И. А. Стемповском, который погребен здесь, по собственному его желанию. В полночь, мы были на траверзе Такильского маяка, который, как яркая звезда, светил на отдаленном горизонте. Ветер вдруг посвежел; мы отдали буксир, поставили паруса и стали делать по 6 и 7 узлов в час. Следуя так быстро, мы скоро приблизились к берегам, и потому, со второго часа по полуночи, легли в дрейф в ожидании рассвета. Любопытство несколько раз заставляло нас выходить на палубу; мы смотрели в даль, думая видеть и очерки отдаленных гор, и высокие берега; но воображение обманывало нас: кругом, все было в

тумане! Наконец, с рассветом, мы действительно увидели Анапские горы, а влево отлогий берег, простирающийся до Бугазаи Тамани. Нам казалось даже, что мы видели устье реки Кубани (древнего Ипаниса), впадающей в Черное море двумя рукавами и образующей род пересыпи, на которой находится принадлежащее нам Джеметейское укрепление. В 7 часов утра, 14-го Июля, мы бросили якорь на Анапском рейде, и тотчас вышли на берег.

Анапа, один из самых северных портов восточных берегов Черного моря, находится верстах в 30 от западного устья Кубани и в 80 от Фанагории. Город и крепость расположены на возвышенном берегу, и с одной стороны примыкают к самому морю. Крепостные стены одеты камнем; сколько крови стоили эти стены! Анапа, основанная Турками по занятии нами Тамани в 1784 году, испытала в 1790 году неудачный приступ генерала Бибикова; в 1791 году она взята была штурмом Русскими войсками под предводительством графа Гудовича, в 1807 году опять занята без сопротивления, войсками под командою генерала Говорова, прибывшего на эскадре маркиза де Траверсе и контр-адмирала Пустошкина, и все крепостное строение было подорвано. В 1811 году герцог де Ришелье опять взял Анапу; но по Бухарестскому трактату она возвращена Туркам. Наконец, в последнюю знаменитую Турецкую кампанию, эта крепость пала от оружия Русских, предводимых князем Меншиковым и адмиралом Грейгом, и Россия стала твердою ногою на страже Черкесских, неприязненных нам берегов; теперь, Анапа обеспечивает с этой стороны сношения наши с Кавказом.

Мы видели месторасположение наших войск в последнюю осаду и тот северный бастион на который действовали наши демонтир и брет-батареи. На стенах и теперь еще видны следы Русских ядер и пуль. Не думайте, однакож, чтобы Анапа, испытавшая в разное время такое множество осад и усилий, была огромная крепость. Не смотря на то, что Анапа, после взятия в 1828 году, была поправлена, она и теперь имеет вид большой Малороссийской деревни; дома, большую частью мазанки, покрыты

камышем; улиц почти нет, и жилья разбросаны по Азиатскому образцу, там-и-сям. Дом Турецкого коменданта сильно пострадал от нашего флота во время осады, и теперь пуст. Церковь переделанная из старой мечети освящена во имя Св. Онуфрия и Петра, празднуемых 12 Июня (день взятия крепости). Она проста и, как снаружи, так и внутри, не имеет никаких украшений. Вообще местоположение Анапы не представляет ничего привлекательного. Прежде, вокруг крепости был большой лес, но теперь, почти на расстоянии 15-ти верст, он вырублен и окрестности пусты. Этого требовала безопасность Русского гарнизона от нападения горцев, которые с некоторого времени оставляют в покое наши войска и не смеют приближаться к крепости. Впрочем, мы и теперь видели, как жители отправляются с конвоем брать воду в речке Анапе, в расстоянии двух верст от крепости. Крепостные лошади пасутся за крепостью, под прикрытием пушки. В недавнем времени, верстах в 4-х от Анапы, по направлению к той долине, откуда более всего нападают горцы, выстроен редут. Это небольшое укрепление служащее так сказать авангардом крепости приносит большую пользу: оно совершенно обеспечивает от внезапных нападений горцев, позволяет жителям Анапы разводить огороды, в которых гарнизон имеет большую нужду, и прикрывает все, вновь учреждаемые, заведения. На Джеметейском укреплении, поселены уже до 30-ти семейств за-Кубанских поселян и если приведется в исполнение мысль о заселении всего пространства между Анапою и укреплением Русскими поселянами, то этот край еще более обеспечится и приняв другой вид сообщит новую жизнь и новую деятельность окрестным запустелым местам. К несчастью, неурожайные 1833 и 1834 годы остановили переселение поселян из Курской губернии.

Во время владычества Турок, торговля Анапы была довольно значительна; положение ее позволяло Туркам иметь деятельные сношения с Мусульманами, обитающими на Кавказе, и вообще с горскими народами.

Жившие в то время в Анапе Турки производили значительный и прибыльный торг пленниками, и в особенности пленницами которыми наполнялись гаремы восточных сатрапов. Для этого торга существовали в Анапе большие ярмарки. Некоторое время производился еще деятельный меновой торг с Русскими на Бугазском меновом дворе, где горские народы выменивали оружие, меха, воск, мед и пр., на хлеб и большею частию на соль; но с занятием Анапы Русскими войсками, торговля почти совершенно прекратилась. Теперь ни в Анапе, ни на Бугазском меновом дворе нет никакой торговли. Вся Анапская торговая деятельность ограничивается несколькими купеческими судами, изредка покрывающими Анапский рейд и привозящими туда провизия для войск, составляющих тамошний гарнизон. И можно-ли назвать торговлю мелочную промышленность нескольких купцов из Керчи, доставляющих гарнизону красные товары из Керчи же, и нескольких мещан, торгующих огурцами, квасом и прочим? Для Турок Анапа была важна не столько в торговом, сколько в военном отношении. Они всегда имели там значительный гарнизон, содержали в страхе горские племена и в особенности препятствовали почти всякому сношению Русских с горцами. Для России занятие этой крепости важно по всем отношениям. Анапский порт есть просто открытый песчаный рейд песчаного грунта, и стоянка на нем весьма опасна для судов при дуящих с моря ветрах.

Один из приятнейших эпизодов пребывания нашего в Анапе было знакомство с одним Черкесским узденем, Ногоем, только-что прибывшим из гор с преданным ему Черкесом. Вот его история: в 40 верстах от Анапы, он полюбил в соседнем ауле Черкешенку; она также полюбила его (хотя, правду сказать, лицо его вовсе не создано для возбуждения сильной страсти в сердце молодой пригожей девушки). Родители красавицы отказали ему в ее руке, и в душе пылкого Азиянца чувство мщения заменило чувство любви; он оставил свой край, свою родину, свои луга и пришел к Русским требовать мщения. «Дайте мне, – говорил он, – четыреста солдат; я пойду, разорю, истреблю

ненавистный мне аул, и буду ваш». Разумеется, ему отказали в его пустой просьбе. Ему сказали, что жизнь одного Русского солдата дороже для нас любви его не только к одной, но и к сотне Черкешенок. Граф Воронцов долго разговаривал с Ногоем и подарил ему компас. Обласканный обхождением графа, Ногой отошел в сторону и подумавши сказал: «Я беру тебя под свое покровительство; с этой минуты, я считаю тебя своим отцем, своею матерью и исполняю твои требования; но помоги мне в моем мщении». Хитрый Азиятец и здесь хотел извлечь пользу для своего мщения. Ногой и его спутник были в полном, прекрасном Черкесском вооружении. Впрочем, судя по физиономии, я скорее принял-бы его за уроженца Монгольских или Нагайских орд, а не горских племен, о красоте которых мы привыкли иметь высокое понятие; хотя, надо признаться, стану его могли-бы позавидовать многия из Европейских дам.

С любопытством смотрели мы на мраморного орла, отысканного при рытии крепостного рва. Это решительно Римский орел! Но каким образом залетел он в Анапу? Владычество Римлян не простилось до этих мест. Как-бы то нибыло, этот орел есть один из прекраснейших и хорошо сохранившихся остатков Римской, а может быть и Византийской древности 1. В десять часов мы подняли якорь и, распростившись с Анапою ответными 9-ю выстрелами, пустились вдоль берегов. Шкуна Вестовой, бывшая в распоряжении графа И. О. Витта, и принадлежавшая также к нашей экспедиции, снялась с якоря получасом ранее нас. Облака рассеялись; было жарко, тихо, и пароход тащил корветт по четыре и по пяти узлов в час.

Скоро мы пришли на траверз долины Шиндири, где в первый раз увидели Черкесский аул, который, как говорят, углубляется на 9 верст в горы. Черкесские хижины рассеяны по долине в самом живописном положении. Почти все дома построены из дерева и покрыты камышем. В полдень мы прошли мыс Иссукуп, а в четыре часа были против долины Орзерек, прельстившей нас и своим положением, и множеством прекрасных

дерев. Первое впечатление всегда сильно; оно надолго оставляет в нас воспоминание о том, что мы видели. Хотя в следующие дни нам встречались долины и лучше этой, и аулы прекраснее, но Орзерекнадолго останется в нашей памяти.

От Анапы местоположение не так красиво; отвесные скалы – голы и не обработаны, но далее край принимает другой вид: горы, покрытые лесом, постепенно возвышаются; множество источников осенены огромными ореховыми деревьями; пастбища покрыты рогатым скотом, и всюду видны обработанные поля. В некоторых местах, леса между горами вырублены или сожжены и обращены в пахатные поля; даже вершины некоторых, довольно возвышенных гор засеяны хлебом. Каких трудов и усилий стоит обработывание и удобрение земли, покрытой лесом и камнем; но горцы лучше и охотнее обрекают себя на тяжкие труды и лишения, чем решаются мирным образом доставать хлеб у Русских. Неужели кусок хлеба, добытый нуждою, вкуснее хлеба, доставшегося тихо и по обоюдному согласию? Но здесь надобно просить, а это несовместно с врожденными идеями необузданного жителя Кавказских гор. Он также неприступен, как и родимые горы его; также хладен для Европеизма, как и вершины гор, покрытые вечным снегом. Винтовка, шашка и кинжал суть его стражи, его логика, его торговля.

Около 6 часов вечера мы заметили обширный рейд Суджук-Кале, защищаемый от северных ветров мысом Доба, далеко вдающимся в море. Вдали белелись палатки отряда генерала Вельяминова, пришедшего сюда, назад тому недели две, из Ставрополя чрез ущелья гор. Суджукская гавань принадлежит к одной из лучших на всем восточном берегу Черного моря: она углубляется в берег верст на пять, и во всякое время года, по глубине и хорошему грунту, составляет безопасную и выгодную стоянку для судов. До взятия Анапы Русскими войсками, на мысе, противоположном Добе, была Турецкая крепость, состоявшая из небольшого четырехугольного

замка или редута, обнесенного кирпичною стеною. Укрепление это было разорено нашими войсками в 1829 году, и с тех пор этот редут представляет едва приметные развалины. Вся прежняя торговля Суджук-Кале ограничивалась незначительными сношениями с Анапою, откуда жители доставали нужные для себя вещи и припасы. Наше правительство давно уже обращало внимание на этот прекрасный порт, соединяющий Анапу с Геленджиком, и в настоящем году Генерал Вельяминов строит здесь укрепление, у мыса Добына речке Усмес, где уже постоянно будет находиться Русский гарнизон. Пост этот тем важнее, что этим устраивается сухопутное, хотя и небезопасное сообщение с Екатеринодаром посредством двух редутов на расстоянии около 70 верст.

Любуясь горами, то постепенно опускающимися к Суджук-Кале, по направлению от Анапы, то возвышающимися с противоположной стороны от мыса Добы, и принимающими разнообразные формы; мы неприметным образом пришли на место и бросили якорь на глубине десяти сажений, не в дальнем расстоянии от фрегата Штандарта, на котором развевался флаг Контр-Адмирала Патаниоти, командующего отрядом Черноморского флота у Абхазских берегов. Кроме фрегата здесь были еще шлюп Диана, люгер Геленджик, пароход Метеор, и транспорты Буги Ланжерон. Едва только якорь коснулся земли, как с редута, в лагерь и с фрегата раздались салюты. Каждому из них мы отвечали нашими 36 фунтовыми зарядами, – эхо вторило выстрелам и раздавалось в горах тысячами отголосков. Было безветренно, горы, корабли, лагерь, все покрылось дымом. Картина величественная! Среди этого дыму тихо ложившегося на поверхность воды, мы сели на катера и поплыли на берег в довольно пространный укрепленный лагерь, обнесенный с трех сторон забором из кустарников.

При громе пушек и звуке музыки, мы вышли на берег и пошли в лагерь, в сопровождении блестящего Штаба Генерала Вельяминова. Я говорю блестящего; и можно-ли иначе назвать собрание офицеров почти из

всех Гвардейских полков, людей молодых, образованных, оставивших и разнообразные увеселения блестящей столицы и все удовольствия общественной жизни, и своих родных, и друзей, и близких сердцу, для того, чтобы на отдаленном краю России отслужить службу своему отечеству верою и правдою, в местах, лишенных выгод и удобств в жизни? Прекрасен благородный порыв сердца молодого Офицера, пылающего исполнить истинное назначение его службы. Может быть для некоторых эта жертва велика! Но велика также и признательность отечества, и внимание Государя, и собственное душевное наслаждение! Из каждого Гвардейского полка находится в отряде по одному Офицеру, исключая множества охотников, прикомандированных из разных полков. Среди стана, у войлочной кибитки, служащей point de réuion всех офицеров отряда, мы составили настоящий раут. Надобно было видеть с каким удовольствием, с каким наслаждением встречались здесь знакомые, собравшиеся так неожиданно среди Кавказских гор, на берегу Черного моря. Это было какое-то Вавилонское смешение языков и голосов. Все спешили насладиться как будто последними минутами, чтобы передать друг другу известия о своих родных, знакомых, и свои чувства, и свои надежды. Это был какой-то непонятный говор, в котором так мало было связи, но много чувств. И посмотреть-бы на это разнообразие костюмов! Блестящий гвардейский мундир мешался с скромным гражданским сюртуком; там живописный Черкесский наряд, а здесь простой мундир или шинель солдата. Многие из наших офицеров усвоили Черкесский костюм, который так хорошо идет к величественным красотам Кавказских гор. И эта радушная приятная беседа происходила среди военного стана, среди переключков часовых, смотревших за нашею безопасностью, и около дымящегося аула, сожженного нашими войсками, для обезопасения себя от нападения Черкесов, искавших в нем убежища и средств ближе вредить отряду. Так мы провели часа три, и конечно это время останется памятным для каждого из нас. Одному оно приводило на память то завидное время юности, когда среди подобных опасностей и наслаждений он

не думал о будущем, не вспоминал прошедшего, а наслаждался настоящим. В другом, еще незнакомом с подобного рода жизнью, оно возбуждало сильное желание остаться здесь, смешаться с толпами храбрых, и вплести лавровый листок в венок своей скучной и однообразной жизни. Присутствие наше привело в движение весь лагерь, и в самом деле, посещение наше было неожиданно.

Смерклось; мы должны были возвратиться на корвет. Я бы желал, чтобы кто нибудь дал мне запас слов, для описания обратного нашего пути. Вообразите себе темную ночь, безчисленное множество разложенных огней, звуки музыки, веселые песни солдат, этих мирных Черкесов на горских лошадях, которые с гиком и подобно молнии проскакивали мимо нас, и, то ложась к самой земле, то поворачиваясь с невероятной быстротою, стреляли из пистолетов и винтовок. Прибавьте к этому пылающий аул, горящий лес на расстоянии нескольких верст, иллюминированный фрегат и шум морских волн, и вы будете иметь понятие об этом величественном зрелище.

В десять часов вечера, мы возвратились на корветт. Долго еще я любовался прекрасными, расстилавшимися предо мною картинами, и наконец, усталый телом и душою, заснул.

15-е Июля.

Просыпаюсь от звука цепи брошенного якоря, смотрю – мы уже на Геленджикском рейде. Я не слышал ни того, как подняли якорь, ни как пароход взял нас на буксир. Такие быстрые переходы в иное время очень приятны, но мне жаль было невидеть ни постепенно скрывавшегося лагеря, с потухающими огнями, ни этих гор, покрытых лесом. Было шесть часов утра; солнце ярко освещало вершины гор, окружающих амфитеатром Геленджик, расположенный в прекрасной долине. Какое прелестное место для разведения винограда! Геленджик – небольшое укрепление, обнесенное

невысоким земляным валом. В прежнее время Турки имели здесь сильный гарнизон; теперь Русские войска в нем довольно покойны, и почти никогда не подвергаются нападениям Черкесов, хотя и высылают свои стада на пастбище почти в виду укрепления, но не иначе, как под прикрытием пушки. Тотчас за укреплением, жители имеют свои обширные огороды, снабжающие зеленью не только гарнизон, но и многия приходящая суда. Геленджик построен на топком и болотистом месте, и климат его не так-то здоров, каналов нет, и потому, особливо во время весны и осени, испарения очень вредны и поражают много болезней. Геленджикский порт, есть без сомнения один из лучших на восточном берегу Черного моря. Он не уступает Севастопольскому и, может быть, имеет некоторые преимущества. Это обширнейшее озеро, защищенное почти от всех ветров, и изредка подверженное Юго-Восточному. В нем может поместиться несколько соединенных флотов. Большая глубина, хороший грунт и защита от ветров, представляют в здешней рейде самую лучшую стоянку для наших судов. Мы застали здесь: Шкуну Курьер,Тендера: Луг, Струюи Сокол, и несколько купеческих судов. Суджук-Кале и Геленджик, до занятия их нашими войсками, были главными сборными пунктами для судов, доставлявших горцам все нужное.

В девять часов, при тихом ветре и ясной погоде мы вышли из Геленджикского порта. Отсюда до крепости Гагры 2, на расстоянии около 140 миль, мы не могли нигде выйти на берег, по неимению пунктов, в которых бы были наши войска; но за то, пользуясь совершенным штилем, мы, при помощи парохода шли постоянно в параллели с берегами, огибали все маленькие рейды, и вероятно редко кому удавалось обходить эти берега так близко. В иных местах, мы были ближе полумили от берега. Первая долина от Геленджика Мейзыб,потом Хапицай,далее Жанхоти.Прошедши мыс Идокопас,мы видели долину Нахабис,потом Коркозых,и почти ровно в полдень, подошли к долине Пшады.

Не более как в течении трех часов, мы видели так много прекрасных мест, что трудно отдать обо всем отчет. Вообще берега круты, обрывисты, и в некоторых местах имеют цвет белого известняка. Горы поднимаются вдруг, не отлого, и совершенно покрыты лесом. В долинах растительная сила необыкновенна, огромнейшие ореховые деревья склоняются почти к самому морю, под ними и по скатам гор рассеяно множество аулов; это было время сенокоса, и Черкесы с удивлением бросали работы, и со страхом смотрели на огромное военное судно, влекомое пароходом, в таком близком расстоянии от берега. Надобно было видеть смятение горцев при нашем приближении: они бегали, сустились, но видя, что пушки молчат, и только грозно выглядывают из открытых амбразур, – снова ободрялись, выходили из-за кустов и деревьев и с любопытством провожали нас по берегу. В долине Хапицай,мы в первый раз увидели лодку Турецких контрабандистов. В последствие времени мы видели их очень много, и почти в каждой долине. Надобно удивляться с каким искусством лодки эти, прокрававшиеся от наших крейсеров, вытаскиваются горцами на берег и закрываются листьями и целыми срубленными деревьями. Одни говорят, что это они делают для скрытия судов от наших крейсеров; другие утверждают, что этим они предохраняют лодки от солнца и жару. Как бы то нибыло, только они делают это с большим искусством, и часто случалось, что мы, при множестве зрительных труб, едва примечали судно. «Знаете ли, – сказывал наш знаменитый литератор, так хорошо знакомый с Кавказом, А. А. Марлинский, – знаете-ли, как горцы вытаскивают на берег лодки? Первое, что они почти всегда знают, в какое время ожидать Турецких судов; лодки эти днем сами видят, можно-ли пристать к берегу. Ночью же Черкесы зажигают костры и дают этим сигнал, что в виду есть Русские военные крейсера и что им опасно приставать. Улучив удобное время, Турецкие контрабандисты бросаются с лодками на берег, и в тоже мгновение собирается несколько сот человек Черкесов. На берегу вкопан большой деревянный шпиль, веревки заброшены, один-третий десяток человек в воде, и чрез несколько минут

лодка с парусами и грузом на берегу – в реке, еще несколько минут и лодка закрыта листьями и деревьями. Часто случалось, что наш крейсер гонится за судном и не успеет стать на известной глубине и отдать якорь, как лодка уже вытащена на берег». Мыс Идокопастем для нас любопытен, что за ним в первый раз пущено было на нас несколько пуль. Кроме удовольствия, это не сделало нам никакого вреда.

После занятия нашими войсками Суджук-Кале, Геленджика и Анапы, долина Пшады осталась одним из самых торговых мест, где сосредоточивается теперь торговля горских народов. Местоположение ее прекрасно; рейда защищена двумя мысами и безопасна для судов, почти в течение девяти месяцев. Мы подошли очень близко к берегу, менее чем на полупушечный выстрел, и надобно было видеть суматоху, произведенную нашим прибытием. Здесь было два скрытых судна, и они без сомнения думали, что мы приближаемся с намерением их истребить. При том, они вероятно узнали старого своего знакомца, наш корвет Ифигению, который, три недели тому назад, посещал эти берега, и именно в этой долине Пшаде, с другим бригом, потопил одно судно, а другое разбил. Мы прошли мирно и спокойно; но они долго следили нас из-за своих засад на берегу моря, и с возвышенных мест окружающих долину.

Читая Voyage en Circassie, par Mr. Taitbout de Marigny, нынешнего Голландского Консула в Одессе, мы с особенным любопытством смотрели на эту долину, которую он описал так хорошо, и которая оставила в нем так много приятных воспоминаний. Здесь-то он, покровительствуемый значительным владельцем Индар-Оглу, вошел в торговые сношения с горцами, доставил им соль за лес и прочия произведения, был угощаем соседственными горцами, и принимал их у себя на судне. В иных местах лес совершенно вырублен. Население в Пшаде довольно велико и, как говорят, это одна из богатейших долин на всем Восточном берегу. Пройдя Пшады, мы миновали долину Беши, Беш-тау, получившую свое название от 5 гор,

возвышающихся над нею, потом Ту,далее Вулан,обширную и богатейшую долину, в которой, как в Пшаде, производится деятельный торг с Турецкими контрабандистами. Здесь мы видели три скрытых судна, из коих одно было двухмачтовое. Далее прошли Туап,потопленную в зеленой гуще огромнейших дубовых деревьев; потом очаровательную долину Шапсухи,над которой возвышалась давно замеченная нами гора Сипсуг.

Прошедши мыс Кодосили Ту,мы наткнулись на прекрасную долину Хахваяб, и в 9 часов вечера были против мыса Чарданили Кодош.

Трудно человеку, не посещавшему этого края, иметь понятие о богатстве, прелести и растительной силе пройденного нами берега. С избытком рассыпала природа на край этот свои дары: вековые деревья, дубовые и ореховые, тянутся в одной бесконечной и величественной картине от гор, до берега моря. Это отличительная черта растительной силы здешнего края, доказывающая сильную почву земли. Там вы не увидите сухих деревьев, которые так усиленно просят воды на наших безбрежных степях, или тех низеньких кустарников, украшающих сады наши, которые стоят нам так много трудов: нет, здесь сильная, могучая и щедрая рука природы поставила громады лесов на берегу глубоких пропастей, переплела дубы зеленым виноградом, засыпала почву растениями и цветами, чтобы привлечь ум и деятельность человека, образовать хотя не много полудикость, и вызвать край из грубой жизни к жизни общественной – деятельной. Варварство горцев, дышущих любовью к дикой свободе, ненавидящих Христианство, превосходных стрелков, рожденных, так сказать, с винтовкою, алчных к набегам и грабежу, ненасытных к войне, коварных во время мира, – стоит на страже этих очаровательных мест, чудесных произведений могущества Божия! Но вострепнутся несколько лишних раз крылья Русского орла, и они покроют, как благодатная сень, эту землю созданную для блаженства человека, и горцы, обратясь к тишине, узнают выгоды миролюбивых торговых сношений и для себя, и для своего потомства.

Настала ночь, и то там, то сям, показались по берегу моря предостерегательные огни, зажигаемые, как я выше сказал, для предупреждения Турецких контрабандистов. Небо было чисто и ясно; безветрие – совершенный штиль; пароход сильно тянет, и корвет бороздит море; и вот на право показалась луна – тени исчезают, цвет ярче и ярче, всплыла, светит, и вдруг светлые лучи заткали море золотистой тканью. Где взять выражений, чтобы описать неописанное, где взять слов, чтобы выразить невыразимое, и что за картина! Смотрите, как вершины гор покрыты этим туманным светом, который их еще более увеличивает! Смотрите какие гигантские тени бросают они на долины и море! Видите ли вы эти огоньки, которые изредка блистают в долинах рассеянных Черкесских аулов? Слышите ли вы этот едва доходящий к вам шум моря, которое вечно бьет об эти каменистые берега? Насладились этою картиною; посмотрите теперь на другую, посмотрите вы на руль корвета; видите ли вы, как вода вокруг него дребежжит, кипит и бросает золотые искры. Была восьмая склянка по полудни, а я все еще сидел на юте корвета и не мог отвести глаз от этой очаровательной картины! Вообще, прелести природы и особенно вид моря, производят на нас какое-то особое впечатление; мы делаемся задумчивы, печальны и сами не можем дать отчета в чувствах души, полной удовольствия; вы нехотели-бы расстаться с таким положением, а между тем вам грустно. Так создан человек; это случается со всяким; то было со мною! «Пора спать», – раздалось подле моих ушей, – смотрю, – это наш добрый Лейтенант С., вышедший на свою вахту. С высоты умственного мира, я упал просто в чувственный; проза победила поэзию, и я тихо засыпал при отдаленном шуме волн и при изредка повторяемой команде вахтенного Офицера.

16-е Июля.

На рассвете мы были на траверзе мыса Мамай, пройдя ночью две прекрасные долины: Субашии Вардан. Это также два значительные торговые

места, и в них укрывается множество Турецких контрабандных судов. В полдень мы достигли другого мыса Адлер. Все это пространство, на расстоянии слишком 20 верст, покрыто густым дубовым лесом, годным для всякого рода кораблестроения. Природа как будто с намерением произвела этот лес на отлогом берегу моря, представляющем все возможные удобства к рубке и нагрузке судов. Надобно удивляться густоте леса, до которого кажется не дотрогивалась рука человеческая, и который едва пропускает солнечные лучи. И эти леса населены горцами, более всех племен расположенными к разбоям и грабежу. Аулы или, лучше сказать, хижины рассеяны одна от другой на далеком расстоянии, и в самом неприступном положении. Один из аулов Зенгикрасиво разбросан в глубоком ущелье. Нередко случалось, что смельчаки из этой части гор пускались в море на своих лодках, и нападали на небольшие суда. Но с некоторого времени, с умножением наших крейсеров, это совершенно прекратилось. Спокойное обладание этим берегом послужило-бы неиссякаемым источником к обогащению нашего Черноморского флота, так нуждающегося в строевом лесе. Глубина позволяла нам идти близь самых берегов, так что мы простым глазом могли любоваться прекрасными костюмами Черкесов и Черкешенок, вооруженных, как говорится, с головы до ног. Некоторые из них провожали нас по берегу верхом, а в иных местах собиралось по несколько сот человек.

Мыс Адлер имеет довольно низменный берег; большие деревья там срублены и остался один кустарник. В низменных местах, мы заметили много осоки, камыша и вообще болотистых растений. Обогнув мыс Адлер, мы остановили взоры на отдаленных высотах Кавказа, покрытых вечным снегом. Долго мы спорили, действительно-ли видим снег. Иные принимали это за песчаные обрывы, другие за голые утесы; и наконец удостоверились, что это был снег, неистощимый запас воды для лугов и растений! Край принимает другой вид; берега становятся круты, каменисты, беловатого цвета; является во множестве сосновый лес, и мачтовые огромные деревья

растут на скалах, по берегу моря, среди камней. Чем далее, тем природа становится суровее, горы возвышеннее, мрачнее, идут стеною в море и закрывают собою небосклон. Неимоверная глубина позволяла нам идти очень близко к берегу, и вот мы с небольшим попутным ветром врезались в ущелье высочайших гор. «Да куда же мы идем? – спрашивал я, – на берегу ничего не видно». В ответ капитан скомандовал: «Вон из бухты», и якорь наш катился 17 сажень, прежде нежели упал на дно моря. Мы пришли в крепость Гагра. Вообразите себе, у подошвы двух высоких, отвесных гор, притиснутое к самому морю небольшое четырехугольное строение, не более 60 сажень длины в одном фасаде, обнесенное деревянным забором с плетневыми турами и с деревянными по углам башенками; посреди этого строения, несколько домиков, мазанок, балаганов, и это крепость Гагра; и эта крепость, отделенная от всяких сообщений сухим путем, окруженная горами, с которых горцы пускают прямо в середину крепости пули, – защищается двумя ротами солдат.

Если всякого рода самоотвержение имеет цену в глазах людей, то до какой степени должно ценить положение горсти храбрых людей, решившихся быть ежеминутно на страже и собственной жизни, и вверенного им поста. Если мы с удовольствием смотрим на поступок человека, оставляющего шум столицы и все увеселения блестящего общества и стремящегося вместе с храбрыми на защиту отечества; то нас должна удивлять решимость людей, обрекших себя на ежеминутную гибель. Там, после минутных страданий, наслаждение и спокойствие; здесь жизнь есть ничто иное, как цепь постоянных лишений, беспокойств и опасности. Жители Гагры с одной только стороны спокойны, именно со стороны моря. Слабое утешение! От того-то они с такою радостью, с таким наслаждением смотрят на всякое судно, приходящее к их берегам. Они видят в нем как-бы посредника, соединяющего их с остальной частью мира. Уходит судно, и они снова осиротели. В начале прошлого года, до 4 000 горцев внезапно

напали на Гагру, и некоторые из отважнейших успели уже вскочить в амбразуры; но храбрый гарнизон отбил их и прогнал с большою потерей. До сих пор не удавалось ни одно покушение горцев. Часто они из одного только удовольствия, или просто от нечего делать, пускают пули в середину самой крепости со скалы, отвесно стоящей над нею, и часто солдаты, говоря их языком, отыскивают в каше Черкесские пули. Несколько дней тому назад, они убили таким образом одного солдата. Впрочем, гарнизон вообще довольно здоров. Солдаты имеют почти круглый год свежее мясо, и замечательно, что те-же самые Черкесы, которые так к ним неприязненны, служат проводниками Имеретинским и Грузинским купцам, доставляющим в крепость рогатый скот. Новое доказательство корыстолюбия горских народов, и подтверждение того, что деньги часто имеют в глазах их более цены, нежели буйная независимость, так много прославляемая некоторыми любителями на Западе.

Без сомнения, мы примем за басню распространившиеся слухи, о которых самые же Черкесы донесли коменданту Гагры, что будто-бы в горах есть несколько Французов и Англичан, обещавших прислать им помощь и взять обратно Гагру. Как-бы то ни было, в одной из деревянных угловых башен мы нашли Английскую пушку, которую наши войска отняли у Турок, и это подтверждается тем, что кроме Английской надписи на пушке есть еще и Турецкая. Англичане производят пушками торг, точно так, как и другими товарами.

Среди крепости Гагры находятся прекрасные остатки древнего храма, служащего теперь, магазином артиллерийских снарядов. Это была христианская церковь. Должно-ли отнести ее ко временам владычества Грузинов (Иверян) в древнейшие времена, или ко временам Византийских поселений на этих берегах? Кажется, последнее мнение будет справедливее. Церковь эта сохранила всю форму, и в особенности внутренность древних христианских храмов. Один свод с полукружием, к Востоку; стены сложены

из цельного камня. Это был в позднейшее время, как говорят, монастырь во имя Св. Ипатия. На верху церкви выстроена деревянная сторожевая башня, в которой постоянно находятся трое часовых, смотрящих за движениями горцев в ущелье. Стены этих прекрасных развалин покрыты плющом, диким виноградом и фиговыми деревьями, из коих одно, на вершине церкви, довольно велико. Кроме развалин церкви, сохранились еще две башни, служащая воротами крепости, и часть стены; она точно такой же постройки, как и церковь. Конечно, это был древний монастырь, обнесенный кругом каменной стеною.

Хотя Гагра не составляет еще совершенно части Имеретии; но отсюда уже считают границу этой провинции. Войска, составляющая гарнизон крепости, принадлежат уже к войскам Грузинским, и из Грузии получают провиант. Ущелье Гагры очень важно было в древния времена. Это был и есть единственный путь, по которому необузданные горцы врывались в плодоносные поля Грузии и Имеретии, и опустошали их. Знаменитый полководец Помпей, во время войны с Митридатом, распространил до этих мест владычество Римского оружия, и построил каменную стену для защиты ущелья. Теперь нет и следов стены. Но во всяком случае, этот пост, как останавливающий набеги горцев, очень важен и в настоящее время.

Одну из примечательностей в Гагре составляют здешния собаки, служащая одною из самых верных и надежных стражей. Он обыкновенно лежат вне крепости, при малейшем приближении неприятеля поднимают вой, и таким образом предупреждают гарнизон о грозящей ему опасности; барабаны бьют; оне собираются в кучки и уходят в крепость.

В два часа, мы подняли якорь и, при обоюдных выстрелах с крепости, с корветта и бывшего здесь тендера Соловей,отправились далее. Палубу корветта мы украсили огромными лавровыми деревьями, которые гарнизон рубит как дрова, и ветви коего служат солдатам вениками в бане.

Посещение Гагры оставило в нас одно из приятнейших впечатлений. Дикость места, отвесные горы, из-за которых виднеются вершины других гор, покрытых снегом, это уединенное укрепление и эта горсть людей, оставленных всеми, – все это производит особенное чувство, чувство удовольствия и чувство сожаления.

В 5 часов, мы были у мыса Пицундис северной стороны, и приблизившись несколько к берегу, прошли около быстро текущей реки Бзыб, на которой выстроено Русскими в настоящем году маленькое укрепление, прикрывающее переправу. Почти тотчас за крепостью Гагра расстилается ровная и низменная плоскость, покрытая кустарником и лесом, начиная от подошвы высоких отдаленных гор, до самого берега моря. В 6 часов по полудни, обогнув мыс, мы бросили якорь в полмили от берега, на глубине 18 сажень. Большая глубина и порядочный грунт земли составляют хорошую стоянку для судов; здесь мы застали купеческое двухмачтовое судно, выгружавшее провиант для войск. Отлогий берег покрыт сосновым лесом, довольно порядочно вырубленным. На самом берегу нет никаких строений. Вступивши на землю, мы в первый раз увидели двух Абазинцев, продававших огурцы. Самое бедное, чтобы не сказать нищенское, платье прикрывало их прекрасный стан; но за то, они имели полное вооружение. Род башлыка из белого грубого сукна живописно покрывал их головы. Они не ушли от ненасытных карандашей наших артистов. Вместе с конвоем или просто солдатами, провожавшими подводы, нагруженные хлебом, мы толпою отправились в самое укрепление Пицунды, находящееся в версте от берега, и совершенно скрытое в лесу.

Земля наша богата; провидение щедрою рукою рассыпало дары свои по земному шару! Много есть и прекрасных стран и прелестных местоположений; но что может сравниться с тою невыразимо-очаровательной картиною, какую представило нам Пицундское укрепление! Кажется природа истощила все свои силы, чтобы составить из этого места

один из завиднейших уголков на земном шаре! Вообразите себе величественные развалины храма, остаток прекрасно сохраненной Византийской архитектуры, обнесенный каменной стеною, расположенные среди очаровательной долины, где столетние дубы и величественные платаны перевились диким виноградом; представьте себе эти окна с разноцветными круглыми стеклами и этот смелый купол, поросший огромными фиговыми деревьями, и эти арки, поражающие нас смелостью архитектуры; представьте все это, покрытое, подавленное яркою зеленью, плющем, лаврами, виноградом и несметным разнообразием цветов, – и вы будете иметь слабое понятие о Пицундском укреплении. Взойдите теперь во внутренность храма; посмотрите на этот смело возвышающийся над вами купол, на этот полуразвалившийся алтарь, в котором еще и теперь приносятся молитвы, – и вас невольно проникнет чувство священного благоговения. Веки – целые веки пронесли над этим храмом; в нем возносились и теплые мольбы Христианина и раздавались неистовые крики варваров; часто неверный горец приносил на жертвенник свой меч, как жертву успехов на войне; все сокрушающее время резко положило на нем свою печать; теперь единое дерево ворвалось сквозь расселины, и лучи солнца прямо проникают в эту святыню; но храм уцелел, и путешественники с удивлением смотрят на это величественное здание, и с благоговением возносят мольбы к Неисповедимому.

Пицунда 3 есть одно из древних Византийских поселений на восточном берегу Черного моря; оно называлось Питиуси во время Римлян было одним из мест сильно укрепленных. Римляне имели здесь свой гарнизон и производили довольно деятельную торговлю местными произведениями. Во времена Римлян, это было почти последним укрепленным местом, до которого простирались на этом берегу обширные владения Римской Империи. Теперь, здесь собственно начинается Абхазия. Ограда монастыря служит крепостными стенами; к каменной стене

приделаны деревянные подмости, и потом деревянные амбразуры. Вход в укрепление пробит в стене и украшается двумя мраморными колоннами, вероятно взятыми из монастыря. Колодезь, над которым в роде навеса стелется виноград, доставляет самую лучшую на всем берегу воду. Климат здесь здоров; это укрепление почти совершенно безопасно от нападений горцев, и гарнизон спокойно наслаждается прелестями природы. Наше правительство старается о сохранении этих прекрасных памятников древности, и Государь Император отпустил довольно значительную сумму денег на поддержание как этой, так и других церквей. Изредка Иеромонах приезжает сюда отправлять Богослужение.

Богатство разного рода леса здесь удивительно. Кроме орехов, платанов, дубов и сосны, здесь растет в большом количестве, так называемое, пальмовое дерево(Vixus) и дерево Негной 4 красного цвета; из первого, мы достали много хорошо выработанных ложек; из второго палки, мебели и проч. Последнее очень красиво, особливо в отделке. Дикий виноград необыкновенной величины, и некоторые корни имеют до двух вершков толщины. Гагра и Пицунда были заняты нашими войсками в 1830 году.

В 8 часов мы возвратились на корветт; дорога от укрепления до берега моря есть одна из очаровательнейших прогулок. Это место представило воображению нашему дикие леса Южной Америки. Мы тонули в бархатной зелени лугов, испещренных разнообразными цветами, в то время, как платан и дуб закрывали от нас свод небесный, и виноград опускался над нашими головами. Прибавьте к этому чудную ночь, с этим таинственным лунным светом, и эту гладкую поверхность необозримого моря, как будто оледеневшего в своем движении, этот едва слышимый однообразный прибой моря и одинокий корветт, неподвижно стоящий у самого берега, – и вы не удивитесь, что мы оставили Пицунду с глубоким впечатлением. Как ни разнообразны мысли и чувства человека, как ни разнообразны получаемые им впечатления; но все мы были одинаково восхищены! Ни величественные

картины Суджук-Кале, ни угрюмые красоты Гагры не помешали Пицунде поразить нас прелестями природы и таинственностью своего храма. Пройдут годы! Много пролетит над нашими головами житейских бурь, много еще мы испытаем разнообразных, мучительных и отрадных чувств, но воспоминание о Пицунде наверно останется неизгладимым в нашей памяти, и, кто знает, может быть оно, как светлая точка, будет обозначать чью нибудь мятежную жизнь.

17-е Июля.

Наступившая ночь помешала нам остановиться у крепости Бомборы, которую мы прошли ночью, надеясь посетить ее на обратном пути. От Пицунды до Сухум-Кале 32 мили, и мы в пять часов утра бросили якорь на Сухумском рейде, близ корветта Пендераклии, бригав: Пегаса, Тендера, Быстроги и одного двух-мачтового купеческого судна. Сухумский рейд, есть один из глубочайших рейдов на всем пространстве восточного берега Черного моря. Отвесные берега образуют обширный залив и рейд в виде бассейна, в котором может поместиться многочисленный флот. В нескольких сажнях от берега глубина необыкновенная; мы стояли на 34 сажнях. Сильное течение и песчаный грунт, при такой отвесной глубине берегов, делают здешний рейд одним из самых опасных для судов; моряки не охотно остаются здесь, особливо в зимнее время, и потому-то суда почти всегда стоят на двух передних и одном заднем якорю; но и тут, при малейшей неосмотрительности, они подвергаются опасности. Хорошо, если погода позволить сняться с якоря и уйдти в открытое море; в противном случае, наверно будет на берегу. Не далее как в прошедшую зиму, один военный бриг погиб у здешних берегов, с командиром и несколькими матрозами. Сухум-Кале расположен на низменном месте; множество болот окружают его, особливо с северной стороны; но в недалеком расстоянии возвышаются горы, покрытые снегом и множеством лесу, между которым лавры образуют целые рощи. Небольшая каменная крепость (кажется, Турецкой постройки),

некоторые части коей пришли уже в развалины, была взята Русскими у Турок в 1800 году. Спокойствие окрестных жителей и совершенная безопасность от нападения горских народов оставляют гарнизон спокойным. Внутри крепости нет почти никаких строений; деревянная Русская церковь сложена из развалин старой мечети. Турецкая надпись над северными воротами, означающая время построения этой крепости каким-то визирем, и необыкновенной величины гранатовое дерево, растущее в саду коменданта, – вот все, что может обратить внимание путешественника. Форштадт крепости состоит из небольших деревянных закопченных и запачканных строений, большею частью лавок, в которых Имеритинцы и Русские Армяне, временные пришельцы из Редут-Кале и Кутаиса, производят мелочной торговлю копченою рыбою, солью и проч.

Сухум-Кале не мог удивить нас, полных еще живых впечатлений Гагры и Пицунды. В 7-мь часов, мы оставили Сухум и поплыли далее вдоль берегов, постоянно держась весьма близкого к ним расстояния. Не вдалеке от Сухума, почти в Сухумском рейде, на юг, находится в красивом месте деревня Келасур; тут же развалины древнего монастыря Св. Георгия. Здесь живет сын Осман бея, бывшего последнего владельца Сухумской крепости. Несколько лет тому назад, за участие в некоторых делах против России, он навлек-было на себя справедливое негодование нашего Правительства; но теперь спокойно занимается лесным торгом и проч. Обширный Сухумский рейд оканчивается отлогим мысом Искурия. Не доходя этого мыса, находится другой, не столь значительный мыс Кодор, получивший свое название от речки того же имени. Здесь виднеются уединенные развалины значительного в древности города Дандарис, на месте которого выстроено Русскими небольшое укрепление.

Искурия, древняя Диоскурия, потом Севастополь, был в древности значительным, хорошо населенным местом и производил обширную торговлю. Римляне имели в Севастополе значительный гарнизон, и

управляли отсюда всеми горскими, подвластными им, народами. Правитель Каппадокийской области Арриан, в описании берегов Черного моря, представленном им императору Адриану, говорит, что он «тотчас по приезде своем сюда, делал смотр Римскому гарнизону, осматривал лошадей, оружие и обучал всадников скакать на лошадях». Путешественник, рассматривая теперь эти пустынные места, живет только воспоминанием протекшего.

За мысом Искурия, край принимает совершенно другой вид. До мыса Анакрии, почти на расстоянии 40 миль, тянется отлогий, болотистый берег; белеющиеся вдали снежные вершины гор изредка одушевляют эту унылую, однообразную картину, и нет предмета, который-бы остановил внимание путешественника. На этом пространстве много небольших речек 5 впадает в море; берег покрыт болотистыми растениями, и земля, говорят, чрезвычайно плодородна. Во времена Римлян, на этом берегу было много поселений, между коими особенно значительно было место Илори. Теперь там существуют только развалины древнего монастыря.

Однообразное плавание наше было несколько оживлено двумя Турецкими лодками, которые, завидевши военный корветт, бросились к берегу и подняли Русские флаги. По мелководию, мы не могли подойти ближе и рассмотреть их внимательнее; но конструкция судов, вооружение и другие признаки сильно обличали в беглецах Турецких контрабандистов.

В 4 часа по полудни, мы были на траверзе мыса Анакрии. Здесь собственно оканчивается Абхазия и начинается Мингрелия, которая простирается до самой крепости Поти. Возвышающаяся над этим местом остроконечная гора Оленс служит маяком для мореплавателей, и обозначает положение Анакрии и Редут-Кале. Анакрия, по Турецки Анакра, расположенная на левом берегу реки Энгури, представила нам только живописные развалины древнего монастыря, на месте бывшей здесь довольно значительной крепости. Вся эта часть Абхазии, от Пицунды до

Енгури, включалась в древнюю Колхиду и составляла Понтийское царство, до покорения онога Римлянами. С большею вероятностью можно полагать, что христианское вероисповедание введено в Абхазию сначала Грузинскими (Иверскими), а потом Византийскими императорами, и Юстиниан I был один из тех Византийских императоров, которые более всех старались о распространении здесь христианства. Вероятно, большая часть церквей, представляющих теперь одни только развалины, обязаны своим существованием усердию Юстиниана. Если верить Грузинским преданиям, то христианский закон Греческого исповедания введен в этот край Грузинскими царями, которые имели даже в некоторых местах епископов, и между прочим в Пицунде 6. По утверждении владычества Турок на этом берегу, христианство исчезло; место его заступил ислаимзм; но, и при соблюдении магометанского закона, жители обнаруживали некоторые остатки христианства, оказывая почтение древним церквам. Этому чувству, может быть, мы обязаны сохранением прекрасных развалин древних монастырей и церквей, рассеянных по этому берегу Черного моря. И теперь многие из Абхазцев, исповедывающих магометанский закон, пред начатием какого-нибудь важного дела, или пред походом на неприятелей, втыкают саблю или кинжал в жертвенники и престолы развалившихся храмов. Большая часть Абазинцев теперь христиане, и число принимающих христианство беспрестанно увеличивается. «Что это у тебя на шее?» – спросил я у одного Абазинца в Бомборах, имевшего на себе медный крест. «Я христианин!» – отвечал он. Но там же, другой обращенный в христианство Абазинец, продававший мне Абазинскую шапку, сказал, между прочим: «купи эту шапку; она хороша, ее шил не христианин, а магометанин». Многие из этих неофитов, как и везде случается, обратившись в Христианскую веру и получа за то определенное вспомоществование, забывают даже имя, данное им при св. крещении, очень далеки от истинного понятия о принятой ими вере, смотрят на это как на выгодную спекуляцию и часто, как говорят, переходя с одного места на другое, принимают по

несколько раз святое крещение. Злоупотребления такого рода, при грубой необразованности этого народа, неудивительны. Но как-бы то ни было, христианская вера сильно распространяется между Абазинцами и, без сомнения, принесет благодетельные последствия.

Впадающая близь Анакрии в море река Энгуритак быстра, что на несколько верст море не может остановить стремительного ее течения; она обозначает свой путь белым или, лучше сказать, мутным цветом, и резкой чертою отделяется от морской воды.

Тотчас за Анакриею мы увидели Редут-Кале,и около шести часов бросили якорь на глубине 10 сажень, в расстоянии от берега слишком на 5 миль, близь двух купеческих лодок. Не защищаемый от ветров ни с одной стороны, этот рейд имеет все возможные невыгоды для стоянки судов, или, лучше сказать, здесь вовсе нет рейда. Открытое место, дурной грунт, сильное течение рек, превративших море в бурый цвет, – вот достоинства здешнего порта. При малейшем ветре с моря, суда тотчас снимаются с якорей, из опасения быть выброшенными на этот негостеприимный берег. Не смотря однако на эти невыгоды и опасности, Редут-Калеиграл важную роль в торговом свете в 1830 году, во время свободного транзитного торга с Закавказским краем. Негостеприимный рейд его был постоянно покрыт множеством купеческих судов, доставлявших товары из Лейпцига и Австрии; торговые выгоды побеждали опасности; но с прекращением транзитного торга, Редут-Кале обратился к прежнему ничтожеству, и теперь изредка только купеческий флаг развевается в виду этой крепости. Мы пустились к берегу на катерах, и с довольно большою трудностью достигли Редут-Кале. Река Кобиили Хопе,на которой расположена крепость, впадая или, лучше сказать, врываясь в море, по отлогому и песчаному берегу, почти беспрестанно изменяет свой фарватер и производит такие большие буруны, что при малейшей неосторожности лодку заливают водою; один бурун настигает другой, бьет катер, не дает ему оправиться, и потому-то, при малой

уверенности в проходе, очень часто бывают несчастные случаи, особенно при небольшом ветре, который еще более увеличивает волнение. У самого входа в реку, на левой стороне, находится укрепление, которое почти не видно с моря. Древний Ховос, Турецкий Кримчал, Русский Редут-Кале, есть небольшое земляное укрепление. Миновавши его, мы приятно были поражены прекрасными берегами реки, покрытой с обеих сторон густою зеленью, кустарниками, дикими фидами, орешником и виноградом. От укрепления до Редут-Кале более версты, и часто на этом пространстве мы плыли под ветвями склонившихся к реке дерев. На берегу мы видели огромные кучи брусьев орехового и можжевелевого леса, привезенного сюда из разных мест Грузии, Мингрелии и Гурии; он отправляется потом в Россию морем. Положение города, если только можно назвать городом несколько собранных вместе деревянных домиков, очень любопытно и живо напомнило мне Амстердам и тамошние каналы. Дома построены на сваях у самого берега реки; лодки и довольно большие суда пристают к самим домам и таким образом отдают и получают груз. Мы пристали к одному крыльцу, вошли по лестнице в нижний этаж дома – магазин наполненный разного рода рыбою, и вышли оттуда с противоположной стороны на улицу, обстроенную с обеих сторон деревянными домами или, скорее, лавками. Из этой одной, впрочем довольно длинной, улицы состоит весь город. Постоянных жителей здесь очень мало, и живут только по торговым делам Армяне и Греки, приезжающие из разных мест Мингрелии торговать рыбою и солью, доставляемыми сюда из Керчи и Ростова. Небольшое количество красных товаров, находящихся здесь в лавках, доставляется часто из Харькова, большею частию чрез Керчь. Мы думали найти в Редут-Кале хорошие Азиатские товары и вещи, но должны были довольствоваться незавидными кинжалами, поясами и другими мелочными вещами.

Наступившая ночь заставила нас оставить Редут-Кале. Темнота и усилившаяся зыбь делали возвращение наше затруднительным и даже

опасным. Высоко подымались буруны, обозначаясь на темной поверхности моря белой пеною, и потом с продолжительным шумом разливались по отлогому берегу. Мы пустились. Один бурун залил нас водою; вот несется другой, и руль выскочил до половины; катер ударился и задрожал. «Сильней, ребята, не торопись» – закричал офицер, правивший рулем. Один удар весел, другой, третий и вот мы выскочили в море, и вот уже на пароходе! Еще несколько минут, и нас принял уютный корветт Ифигения.

Но есть предел всему; радости часто выкупаются печалью! С вечера воздух становился тяжелее; облака надвигались и закрыли звездное небо; зыбь постепенно увеличивалась и около полуночи пошел проливной дождь, не оставлявший нас целые сутки. Ровно в полночь разбудил меня голос вахтенного офицера: «пароход дрейфит прямо на корветт!». Поднялась суматоха. На пароходе отдали другой якорь. Дрейфит! Отдали третий и развели пары. Корветт, между тем, беспрестанно выпускал свою цепь, и отдалялся от опасного соседа. К 4-м часам все было готово, подняли якоря и пошли далее к Потю, при сильной зыби и проливном дожде.

18-е Июля.

В шесть часов утра мы остановились на траверзе северного устья реки Риона, и бросили якорь в 3-х милях от крепости Потю. Дождь продолжался, противный ветер и зыбь увеличивались. Посланный на берег мичман в легкой шестерке, после тщетной попытки, в течение 3-х часов, возвратился с известием, что к берегу никак нельзя пристать. Остаться более на якорю не было возможности, и таким образом, мы с сожалением должны были отказаться от удовольствия, о котором так много думали, видеть древнюю реку Фазис, ознаменованную посещением Аргонатов, пристававших сюда за золотым руном, как уверяет бессмертный Омир, Пиндар и другие поэты отдаленной древности. Здешний рейд точно так-же неудобен и невыгоден как и в Редут-Кале. Множество отмелей, беспрестанно изменяющихся от

сильного течения Риона, закрывают вход в устье реки, и препятствуют близко подходить к берегу. Крепость Поти, древний гор. Фазис, на левой стороне Риона, играл довольно важную роль во время владычества Римлян; там производился значительный торг пленниками. В позднейшее время, Поти выдержала многия осады; в 1809 году эта крепость была взята Русскими, но в 1812 году отдана Туркам по Бухарестскому трактату.

Измученный почти суточною, ужаснейшею качкою, я едва вытащился на палубу, и смотрел издали на покрытые туманом Поти и Рион; только издали мы приветствовали знаменитую реку, имя которой еще с малолетства звучит в ушах наших. Я очень желал побывать на этой реке, бывшей свидетельницею величайших событий в течение нескольких веков; некоторым из нас непременно хотелось быть последователями Язона, чтобы увидеть золотое руно, и узнать заключается-ли оно в золотом песке, который здесь иногда находят в весьма малом количестве, или нужно для этого погрузить в воду овечью шерсть, и вынуть ее покрытою золотом.

Морская болезнь прервала исторические мои мечтания, и я из древнего мира мигом переселился в настоящей и залег в уютную койку. В 10 часов утра мы снялись с якоря, и пошли в обратный путь по направлению к Сухуму. Ветер дал возможность распустить паруса, и мы с радостью слушали команду: «ставить марсы, грот, брамсели и кливер»; что касается до меня, то я хотел-бы увеличить еще число парусов, только-бы избавиться хотя сколько-нибудь от качки и скорее идти. Но погода нас обманула; не более как через полтора часа ветер сделался противный, и мы снова принуждены были закрепить все паруса, и идти на буксире у парохода. В час мы делали узел и узел с четвертью. Дождь продолжался по прежнему. Так прошел день, так прошла и ночь.

Все знают, как тяжела морская болезнь для не-моряка, для человека непривыкшего к морю; но надобно испытать эту болезнь, это неприятное

чувство, чтобы иметь истинное о нем понятие. Это какое-то странное положение, в котором вам все несносно, и участие других, и предложение услуг, и разговоры, и тишина. Почему медицина, которая ежедневно делает такие быстрые успехи в своем усовершенствовании, не выдумает до сих пор никакого средства против этого страдания? Это было-бы величайшее благодеяние для всех вообще и для самих моряков! Потому что многие даже из них не могут выдерживать продолжительной сильной качки. Знаменитый адмирал Нельсон постоянно страдал более или менее от морской болезни.

19-е Июля.

Дождь перестал; погода прояснилась; взошло солнце и залило пурпуром золотых лучей и море и берега. Нам сделалось легче. Мы выползли на палубу, где все после суточного дождя снова блистало, будто корвет только-что спущен был на воду из адмиралтейства. После морского совета, прекратились все сомнения на счет недостатка угля на пароходе, и невозможности далее продолжать с ним путь. Признаюсь, мысль быть оставленным пароходом, который так усердно служил нам и буксировал почти во все время плавания, остаться таким образом в распоряжении непостоянных ветров и не знать, когда именно возвратимся, сильно нас беспокоила; однакож на Петре Великомоставался еще запас угля на четверо суток, и мы решились зайти в Бомборы, чтобы увидеть это укрепление, которое миновали, идучи из Пицунды в Сухум-Кале, и дать возможность пароходу очистить засорившиеся трубы. В два часа по полудни, мы бросили якорь на Бомборском рейде в расстоянии двух миль от берега, подле трех купеческих двухмачтовых судов. Бомборский рейд, составляющий, так сказать, часть обширного залива, идущего от Пицунды до Сухума, весьма просторен, открыт и не имеет удобной пристани. Огромные буруны, то догоняя, то перегоняя друг друга, с шумом разливались по отлогому песчаному берегу и покрывали его белою пеной. Пристать было довольно затруднительно; однакож мы достигли берега, хотя с трудом, и только

поплатились за это небольшой морской ванной, которую насильно заставляли нас брать морские волны. Несколько человек матрозов и солдат выносили нас на руках из катеров на берег; но гичка, которою правил сам почтенный наш капитан 7, взлетела с бурунами на берег, и потом также спустилась в открытое море. Это было прекрасное и величественное зрелище, тем более, что в гичке виднелись шляпки наших спутниц – неустрашимых дам.

На самом берегу мы нашли небольшое четырехугольное деревянное укрепление, обеспечивающее выгрузку на берег людей и провизанта. Прежде всего, мы посетили развалины древнего монастыря, отстоящего на четверть версты от укрепления. Он имеет обыкновенную форму древних церквей, не велик, построен полукружием и с двумя нишами. Все монастыри, находящиеся на этом берегу, построены в самых живописных местах: или среди лесов, или на берегу моря и вблизи источников. Уединенная, отшельническая жизнь не препятствует человеку наслаждаться красотами природы. Сопровождаемые комендантом и множеством Абазинцев и Армян, мы отправились в самую крепость Бомборы, отстоящую от берега по крайней мере версты на две. Дорога эта лежит среди леса из дубовых, ореховых и буковых деревьев, но этот лес много потерпел от разрушительной руки человека. С первого взгляду местоположение крепости покажется невыгодным, по причине низменного места; но приблизившись, вы заметите, что она построена на возвышении, владычествующем обширнейшею вокруг ее долиною. Крепость окружена земляным валом с батареями. Внутри ее нет других построек, кроме казарм, госпиталей и некоторых еще крепостных зданий. Здесь бригадная квартира войск, расположенных в разных местах Абхазии. Тотчас подле крепости находится форштат, также обнесенный большим земляным валом; в нем находятся лавки и живут купцы Мингрельцы и Грузинские Армяне, приезжающие сюда из Кутаиса и других мест. Вся здешняя торговая промышленность

ограничивается небольшим потреблением местных произведений и необходимых для жизни предметов.

Прибытие наше в Бомборы было довольно выгодно для тамошних торговцев. Это было последнее место, которое мы посещали на восточном берегу Черного моря, и потому все мы старались иметь какую-нибудь вещь, которая служила-бы нам воспоминанием. За обыкновенные Абазинские кинжалы и пояса мы платили, можно сказать, весом золота.

Между прочим, мы нашли здесь довольно порядочное красное Грузинское вино (Чихирь,общее название) двух сортов, делаемое большею частию из дикого винограда. В числе самых деятельных здешних торговцев, мы познакомились с одним Грузином, уроженцем Кутаиса, бывшим переводчиком при известном путешественнике Гамбе.

Не вдалеке от Бомбор, в деревн Соуксу,живет владетельный князь Малой Абхазии Михаил Шервашидзе,полковник Русской армии. Он выстроил там красивую деревянную церковь, и живет с своим семейством; ему принадлежат обширные земли вокруг Бомбор, покрытые большею частию лесом. Эти пространные земли и леса он отдает чужим и подвластным ему Абазинцам на разных условиях, из коих в большем употреблении есть то, по коему половина произведений из взятой земли идет владельцу, а другая взявшему землю.

Вообще, здесь видно более торговой деятельности и разного рода промышленности, нежели в других местах этого берега. Плодоносные равнины, богатство леса, близость Кутаиса и Тифлиса, придают здешнему месту особый род жизни и деятельности, и делают его одним из важнейших пунктов, занятых нами в 1830 году. Мы поражены были огромностию некоторых буковых деревьев, из коих иные так толсты, что во внутренности их могут поместиться несколько человек. Вообще, лес мог-бы сделаться

важным предметом торговли в Мингрелии и Абхазии, хотя впрочем довольно трудно распространить значительным образом эту торговлю, при неимении в здешнем крае хороших удобных сообщений и при трудности водяных путей по горным рекам. Но при всем том, это такое богатство, которое природа приготовила щедрою рукою для наших Черноморских портов, и нет сомнения, что доставка разного рода строевого леса до берега моря, тем или другим способом, не может иметь больших затруднений; а выгода от этого далеко превзойдет и препятствия и затруднения. Несколько тысяч квадратных верст, покрытых превосходным строевым лесом, составляют огромное богатство для морской державы.

В 8 часов вечера мы были на корветте, а в 10 подняли якорь и пустились в море. Ночь была ясная. Качка уменьшилась, и мы тихо и спокойно подвигались вперед.

20-е и 21-е Июля.

При ясной погоде, безоблачном небе и при звуках музыки, мы провели весь день, тихо подвигаясь вдоль берегов, по направлению к мысу Мамаю. Пред нами постоянно тянулась цепь гор, покрытых снегом. К вечеру горы начали удаляться, синеза только вдали, и наконец мы совершенно с ними простились.

Видели-ль вы когда-нибудь амбаркировку в открытом море, на маленьком судне, когда уютная, легкая шестерка вдруг, по волшебному свистку, бросается с высоты нескольких сажень в море с двумя стоящими на ней матрозами, которые заботятся, во время этого воздушного путешествия, не о своей безопасности, а только о том, чтобы не оцарапать как-нибудь корветта. Смотрите, волны подхватывают этот катерок, бросают его назад, вперед, влево, вправо; но шесть весел уже выброшены, на руле сидит уже четырнадцатилетний гардемарин, и шестерка быстро несется по волнам, то

подымаясь на водяные горы, то опускаясь в бездну; брызги летят во все стороны, но шестерка уже у цели, и опять уже на талях; раздается свисток, и чрез минуту она спокойно висит на прежнем месте.

К вечеру опять началась качка; ночью она усилилась, и с невероятным упорством продолжалась весь день 21-го Июля. У Крымских берегов, как мы после узнали, был в это время сильный ветер NW; он-то подарил нас этой ужасной зыбью, которая разводила море и бросала корветт и пароход как мячики. Нос корветта зарывался в воду, и волны покрывали шканцы. Не было возможности держаться на ногах, и не смотря на эту зыбь, пароход дрожал, но тащил корветт. Были минуты, когда фонарь, повешенный на грот-мачте у парохода, казался привязанным на носу у корветта. Один неосторожный толчек мог-бы повлечь за собою Бог знает какие последствия, и этот опыт, хотя трудный, доказал все достоинство парохода Петр Великий. Я не говорю уже о наших страданиях в это время. Так провели мы день и ночь, с некоторыми только переменами.

22-е Июля.

В 5 часов утра, радостный крик «видны Крымские горы» пробудил нас от беспокойного сна. Мы были в 50-ти милях от Ялты, и вскоре узнали гору Аю-даг. Надобно испытать морское путешествие, надобно пострадать и быть вместе с тем не моряком, чтобы в полной мере оценить то удовольствие, которое ощущаем мы при виде берегов – предела путешествия. Это чувство нельзя сравнить ни с чем: все исчезает, все проходит, и болезнь и неудовольствие.

Мы подходим ближе и ближе; вот и Чатырдаг, который так гордо раскинул свой шатер, вот и длинная цепь Яйлы. Здесь Юрзуф, там Ай-Тодорс маяком, а вот и роскошный сад Никиты, Магарачс множеством белеющихся домов, Массандрас своим зеленым парком; вот наконец и Ялта, с своею

роскошной очаровательной долиною, залитой зеленью и садами. В Магараче раздался выстрел, другой; с корветта полетел ответ. Шкуна Голубка, стоявшая на Ялтинском рейде, покрылась дымом от выстрелов; корветт забороздил море ответными выстрелами, и среди этого дыму, в 5 часов по полудни, мы бросили якорь близь Ялты.

Такая же прекрасная погода, какая провожала нас в путь, встретила и при возвращении. Двенадцать дней путешествия нашего умчались в вечность, Как ни кратко было это время, но оно оставило много впечатлений и пробудило много чувств, дотоле неведомых нам. Быть может, многим из нас не раз еще в жизни достанется совершать подобные странствия, не раз придется испытать в будущем и большие трудности; но вряд-ли кого-либо из нас посетят те-же чувства удовольствия и наслаждения, какие испытали мы в этой занимательной поездке, тем более, что все прошедшее так легко изглаживает из памяти нашей все неудовольствия, оставляя только приятные впечатления. Кому-же обязаны мы и этими чувствами и этими наслаждениями, как не тому, имени которого я осмелился посвятить слабый мой труд?

Таблица, показывающая расстояния разных мест и крепостей на восточном берегу Черного моря, от Керчи до крепости Поти

	Расст. по пути корветта близь берега	Расст. между местами в прямой линии
От Керчи до Анапы	45	43
От Анапы до м. Исусуп	10	8½
до Суджук-Кале	26	24
до Геленджика	10	8
до Пшад	19½	16½
до Вулан	10½	9½
до Джубуа	7	7
мыс Кодос или Ту	14	13
мыс Кодош или Чердак	9	8
до Пензуапе	17	17
до Субаши	9½	9½
мыс Жообже	8½	8½
мыс Мамай	9	9
мыс Адлер	15	15
Гагры	13	13
Пицунда	10	10
Бомборы	10	10
Сухум-Кале	24	21
мыс Кодор	10	10
Анакрия	36	34
Редут-Кале	7	7
Поти	8	8
Итого:	328	309½